

різних типів стилів, максимально педагогізувати кожну дисципліну [6]. Значна увага приділяється нами на ситуативну адаптацію виучуваних наукових понять, наведені приклади відбивають майбутню професійну специфіку аудиторії. Вважаємо, що логічне в окремих випадках внесення в лекційний виклад елементів діалогічного ініціювання-реагування, щоб студенти мали можливість самостійно формулювати правила культури мовлення. Відомості про якості мовлення не залишаються лише теоретичними; їх призначення – формування мовленнєвої особистості майбутнього педагога, яка неможлива при ігноруванні цих якостей. На практичних заняттях (як і в подальшому під час екзаменів і заліків) головна увага приділяється не продукуванню засвоєного теоретичного матеріалу, а вмінню знайти і виправити помилки, коригуванню мовленнєвої поведінки, збереженню в повсякденному спілкуванні її необхідних якостей. Передбачається точність формулювання, конкретність завдань, рекомендуються творчі тренінги і рольові ігри, які розвивають дистанційне мислення як стимул пізнавальної активності особистості.

Список використаної літератури

1. Бабич Н. Д. Практична стилістика і культура української мови. – Львів: Світ, 2003.
2. Винокур Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. – М.: Наука, 1993. – 172 с.
3. Волкотруб Г. Й. Стилістика ділової мови: Навч. посіб. – К.: МАУП, 2002. – 208 с.
4. Головин Б. Н. Основы культуры речи. – М.: Высшая школа, 1980.
5. Гончарова Е. А. Ещё раз о стиле как научном объекте современного языкознания //Текст–Дискурс–Стиль. – СПб, 2003.
6. Дорошенко С. І. Основы культуры і техніки усного мовлення: Навч. посібник. – Харків: "ОВС", 2002. – 144 с.
7. Дудик П. С. Стилістика української мови: Навчальний посібник. – К.: Видавничий центр "Академія", 2005. – 368 с.
8. Єрмоленко С. Я., Бибик С. П., Тодор О. Г. Українська мова. Короткий тлумачний словник лінгвістичних термінів /За ред. С.Я.Єрмоленко, – К.: Либідь, 2001. – 224 с.
9. Коваль А. П. Науковий стиль сучасної української мови. – К.: Вид-во КДУ, 1970.
10. Кожина М. Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. – Пермь, 1966.
11. Кравець Л. Стилістика сучасної української мови (фоностилістика, стилі): Збірник вправ. – К., 2002.
12. Мацько Л. І., Сидоренко О.М., Мацько О.М. Стилістика української мови. – К.: Вища школа, 2003.
13. Мурашов А. А. Культура речи: Учебн. пособие. – 2-е изд. – М.-Воронеж, 2004. – 576 с.
14. Пентиліок М. І. Культура мови і стилістика. – К.: Вежа, 1994.
15. Русецкий В. Ф. Культура речи учителя. Практикум: Учеб. пособие. – Минск, 1999. – 239 с.
16. Скворцов Л. И. Культура русской речи. – М.: Знание, 1995.
17. Чернявская В. С. Интерпретация научного текста: Учебное пособие. Изд. 2-е. – М.: КомКнига, 2005. – 128 с.

Попова Т. Н.

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ СУБСТАНТИВОВ НА -НИЕ, -ЕНИЕ В РУССКОМ ДИАЛЕКТНОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Вопрос о теоретическом значении изучения словообразования в диалектах поднимался неоднократно [см. работы Ф. И. Буслаева, Н. Н. Дурново, Ю. С. Азарх, А. И. Попова, Г. Г. Мельниченко, О. Г. Пороховой и др.]. Однако по сей день данная проблематика имеет много «белых пятен», наблюдается явная акцентация синхронического описания словообразовательных процессов в отдельных говорах или их группах. Представляется важным продолжать изучение диалектного словообразования в плане сопоставления со словообразованием литературного языка с точки зрения эволюционных процессов, выявляя конкретные черты влияния литературного языка и связанные с этим изменения в диалектной словообразовательной системе.

На современном этапе развития словообразования бесспорно доказательными являются идеи о динамическом его характере, что с наибольшей полнотой раскрывается при историческом подходе к фактам словообразования. Основные исследования в этом направлении проводились и проводятся в Казанском университете (см. работы В. М. Маркова, И. Э. Еселевич, Г. А. Николаева и др.), и рассмотрение данных проблем остается далеко не завершенным. В центре внимания именно исторического словообразования остается проблема взаимодействия генетически разнородных словообразовательных элементов, их взаимоотношение и функциональные особенности.

Наиболее продуктивным способом словообразования в говорах, как и в литературном языке, является суффиксальный, характеризующийся многообразием словообразовательных типов. Наличие словообразовательных моделей с общеславянскими суффиксальными формантами *-ость, -ство, -ние, -ение* подтверждает, что в силу действия как внутриязыковых, так и экстралингвистических факторов расширяется и круг употребления абстрактной лексики в диалектах: отвлеченная лексика включается в активный речевой оборот, становятся продуктивными и названные форманты.

Разработка диалектологического материала показывает, что теория непродуктивности образований на *-ние, -ение* в русских говорах не имеет под собой достаточных оснований. Таким образом, и теория о церковнославянском происхождении этих образований в литературном языке лишается своего основного аргумента и нуждается в пересмотре [см. работы С. П. Обнорского, А. А. Шахматова, Л. Булаховского и др.].

«Известная литературность» значения многих образований на *-ние, -ение* в русском языке не может также служить показателем церковнославянского происхождения этого суффикса, т. к. она, во-первых, характерна не для всех существительных с этим суффиксом, а, во-вторых, в тех случаях, когда она имеется, она естественно может быть объяснена самим назначением этого суффиксального аффикса: служить средством образования слов для названия отвлеченных понятий. Наличие в народном языке других суффиксов, при помощи которых образуются имена действия, также не может быть доказательством книжного происхождения суффикса *-ние (-нье)*, т. к. в пределах одной системы встречаются синонимические словообразовательные средства.

Очевиден факт, что субстантивы с семантикой отвлеченного действия составляют значительный пласт как в современном русском языке, так и в более ранние стадии его развития, «они не утратили своей продуктивности на протяжении столетий и продолжают пополняться новообразованиями» [1, с. 39].

В системе литературного языка на разных этапах его эволюции к наиболее продуктивному словообразовательному типу среди *nomina actionis* относятся имена на *-ние (-ение)*, изначально присущие разным книжно-письменным жанрам.

Материалы СРНГ фиксируют абсолютное преобладание имен на *-ние, -ение* над другими книжными словообразовательными типами *nomina actionis, nomina abstracta*, также распространившимися в диалектном языке (около 61% общего числа форм) с превалированием вариантов на *-нье, -енье* 23%. Превосходство субстантивов на *-ние, -ение* в говорах обусловлено, по нашему мнению, по нашему мнению, их семантикой. Значение действия – более конкретное – ближе диалектному языку, нежели чисто абстрактное, характерное именам на *-ость, -ство, -ствие*.

Образования с суффиксами *-ние, -ение* в диалектах представляют собой, как и в литературном, отглагольные формы с инфинитивом в качестве производящей базы. Устойчивые связи с производящими словами свидетельствуют об особой продуктивности имен с суффиксами *-ние, -ение* в литературном языке, «полное отражение инфинитивной основы в структуре производного имени позволяет этим именам как бы субстантивировать инфинитив <...> потенциальное слово с *-ние* можно образовать почти от каждого глагола» [1, с. 40].

Материалы СРНГ полностью подтверждают это положение. *Nomina actionis* в диалектах также образуются при помощи суффикса *-ние* от глаголов с суффиксальным или корневым *-а-* (около 40%): *бздава-ние* ← *бздава-ть* – ‘поддавать пару в русской бане’ или ‘ударять резко и сильно’; *блешнича-ние* ← *блешнича-ть* – ‘распутничать’; *глузда-ние* ← *глузда-ть* – ‘щелкать семечки’ и др. Имена с суффиксом *-ение* образуются от глаголов с суффиксальным *-и-* (около 45%) или исторической основой на согласный (около 15%), ср.: *блужд-ение* – ‘уход, забота’ ← *блужди-ть*; *волоч-ение* ← *волочи-ть* – ‘тащить, нести, везти кого-либо, что-либо’; *глумл-ение* ← *глуми-ться* – ‘сумасбродничать’. Таким образом, эти субстантивы могут быть образованы от глагола любого класса, приставочных (около 55% типа *поежженье* – ‘поездка’, *присмотренье* – ‘рассматривание’, *заеденьё* – ‘объедение, очень вкусно’) и бесприставочных (около 35% типа *сватанье* – ‘сватовство’, *легчение* – ‘облегчение’), а также двусловных сложений (типа *кумышковарение, травосеяние*).

Частотны случаи появления более сниженных, «разговорных» вариантов суффиксов по аналогии с книжным образцом: *-енье: бороженье* – ‘ловля рыбы бреднем’ ← *борожи-ть*; *галавеш-енье* ← *галавеси-ть* ‘шутить или говорить пустяки, обычно громко и смеясь’; *-нье: боева-нье* – ‘битье рыбы в ямах’ ← *боева-ть*; *гарка-нье* – ‘щелканье (кнута)’ ← *гарка-ть*; *возяка-нье* – ‘возня’ ← *возяка-ться*; *-нйё: гали-нйё* – ‘неприличный смех’ ← *гали-ть* и др.

Широко представлены образования от общерусских глагольных основ, отсутствующие в литературном языке, ср.: *объеденьё* – ‘отрава’, *заниманьё* – ‘занятие’, *раденьё* – ‘старание’.

Безусловно наиболее показательными являются образования от чисто диалектной основы (например, слова типа *скороденье* от глагола *скородить* – ‘боронить’, *скомление* от гл. *скометь* или *скомить* – ‘щемить, ныть’), т.к. для этих слов исключается возможность их проникновения их литературного языка.

Неменьшую показательность имеют слова, образованные от основы, существующей и в литературном языке, но по нормам, не свойственным литературному языку (например, *разговянье, коснение* от гл. *коснуться*).

Такие слова или являются исконно диалектными или возникли в говоре под влиянием литературного языка, но в соответствии с нормами говора. В обоих случаях они показательны для словообразовательных норм говора.

В отношении существительных, общих для говоров и литературного языка, критериями их показательности являются сфера лексики, к которой относится слово, наличие или отсутствие чисто диалектных синонимов, характер производящей основы. В этом плане наиболее показательны слова, относящиеся к области быта и примитивного крестьянского хозяйства, непоказательны обозначения понятий и предметов, которые могли быть усвоены только под влиянием церкви, городской культуры и т. п. Примечательны слова, которые, обозначая самые насущные и простые понятия, широко распространены в разных говорах и не имеют синонимов с другими словообразовательными элементами (например, *прощанье, прощенье*).

В плане словообразовательной семантики прослеживается единообразие с языком литературным. В большинстве случаев это имена с отвлеченным значением действия (ср.: *голошеньё* – ‘рев, вой, плач’, *глуздание* – ‘щелканье семечек’, *гаение* – ‘наживление крючков рыбой’, *вязльенье* – ‘делание вязбы (узора)’, *вытелепенье* – ‘медлительные сборы в дорогу’, *буровенье* – ‘разговор во сне, бред’ и т. д.). Как и в литературном языке, в диалектах среди имен на *-ние, -ение* имеет место семантическая деривация. Частотны имена со значением результата действия (*врученьё* – ‘один из моментов свадебного обряда’), объекта действия (*брашеньё* – ‘вспаханное поле’), субъекта действия (*воскресенье кобылье* – ‘худой, слабый, безобразный человек’). Однако при этом часто встречаются существительные, совпадающие по форме и производящей основе с литературным эквивалентом, но употребляемые в ином, более конкретном (например, обрядовые термины) или собирательном значении, ср.: *заведение* – ‘домашняя утварь’, *умывание* – ‘умывальник’; *зарученье, смотренье, богомолье, здорovanje, тированье* – свадебные обряды и др. Этот факт может говорить об органичности подобных образований в системе говоров. В отличие от литературного языка, где имена на *-ние, -ение, -нье* зачастую развили уже чисто предметное значение, в говорах они обнаруживают более тесную связь с лексическим значением производящего глагола, ср.: *ростеньё* – ‘процесс роста’, *уроженьё* – ‘урожай’, *вареньё* – ‘процесс варки’.

О продуктивности модели говорит и следующее. Например, модель отглагольных существительных со значением действия, созданная по образцу древних форм типа *говенье, глумление, бедование, оплеванье*, пополняется в XX веке единицами типа *бегованье* – ‘состязанье лошадей в беге’ (Свердл., 1964); *баговинье* – ‘речные и болотные растения’ (Курск., 1947); *бринканье* – ‘наигрыванье, брэнчание’ (Пск., Смол., 1919-34); *бяканье* – ‘падение, побои’ (Тул., 1933); *блыкание* – ‘брожение без дела’ (Латв., 1963); *галичанье* – ‘зубоскальство, передразнивание, кривлянье с целью осмеять кого-либо, разозлить, а других этим потешить’ (Олон., 1912); *глянчанье* – ‘полировка, нанесение глянца’ (Нижегор., Владимир., 1913) и т. п.

Разнообразие производящих основ, свобода их словообразовательных связей и обилие чисто диалектных слов на *-ние, -ение, -нйё* свидетельствует в пользу их самобытности в диалектах. Кроме того, имена с названными формантами очень продуктивны во всех современных русских говорах без территориальных ограничений.

Результаты проведенного анализа позволяют утверждать, что перед нами живая словообразовательная модель, продуктивная в современной диалектной деривационной системе, «сложились эти существительные в самом процессе развития диалекта» [4, с. 41]. Анализ структуры и значений приведенных дериватов позволяет утверждать, что эти существительные являются в русских говорах не случайным элементом, а составляют значительный лексический пласт, имеют словообразовательные связи с глаголами почти всех классов; образования от глаголов НСВ представлены

значительно шире, чем от глаголов СВ. Образования от глаголов односложных и неодносложных различаются местом ударения: для первых характерно ударение на окончании, для остальных – на основе. Кроме того, ударение на окончании имеют некоторые имена от бесприставочных односложных глаголов (типа *отданье, пожданье*), а также некоторые существительные на *-енье* с конкретным значением, ср: *беленье* – холст, приготовленный для беления; *соленье* – соленые грибы; *еденье, питинье* – еда и питье в значении кушаний и напитков. Существительные, образованные от многосложных глаголов и сохраняющие значение действия, имеют ударение на основе.

Основным значением имен на *-ние, ение* является значение действия, причем имена от глаголов НСВ обозначают действие незаконченное, образованные от глаголов СВ – законченное, ср.: *охмелянье – охмелять, обручание – обручать, разговлянье – разговлять*; СВ – *после сказания дочери* – после того как дочь сказала, *после полезпня поседенья нету*.

В именах со значением действия четко прослеживается тенденция мотивировать это значение глаголом несовершенного вида (как известно, видовые отношения в современном русском языке связываются с наличием или отсутствием приставки).

Приставочные основы используются чаще (до 56% форм), ср.: *воспарение* – ‘пар, испарение, парение воздуха’ (Арх., Яросл., Костром., Кубан., Кемер. и др.); *выграбление* – ‘ограбление, воровство, кража’ (Перм.); *возлечение* – ‘лечение’ (Волог.) и т.п. Интересны и формы, образованные от бесприставочных основ, ср.: *бармашение* – ‘род рыбной ловли на Байкале. Рыбу ловят в проруби удочкой; вместо приманки бросают в прорубь горстями бармашей’ (Байк., 1912); *боенье* – ‘боязнь, страх’ (Орл., 1902); *возьяканье* – ‘возня’; *военье* – ‘вытье’ (Онеж.) и мн. др.

В именах с конкретным значением прослеживается преобладание соотносительности глаголами СВ: *воспитанье* – ‘питание, еда’; *сраденье* – ‘остаток после перетопки сала’ – *срадеть, усЫлание* – ‘место, полное ягод, плодов’ – *усЫлать*.

Немногочисленны случаи образований от двусловных сложений, они, очевидно, порождены подражанием книжной традиции, потому и воспринимаются как «искаженные» книжные слова (фоноварианты), ср.: *бласловенье* (Пск., Арх., Твер., Перм., Том.); *басловенье* (Брян., Орл., 1904); *басловенье* (Ворон., Тул., Кемер.) – ‘благословенье’.

Но практически отсутствуют образования от глагольных основ на *-ыва, -ива, -ова, -ева*, в то время как в литературном языке модели эти представлены широко. Тем самым, можно говорить об открытости процесса и продолжающемся формировании субстантивов на *-ние, -ение, -нье* в диалектах.

По утверждению Л. Н. Булатовой, «обилие в говорах существительных с суффиксами *-нье, -енья*, обозначающих понятия и предметы самых различных сфер человеческой жизни и деятельности, регулярность их словообразовательных связей с глаголами, большой диапазон значений с разными степенями перехода от абстрактного к конкретному – все это как в лексике, общей с литературным языком, так и в специфически диалектной, является показателем того, что данная словообразовательная категория обладает в говорах продуктивностью» [3, с. 11].

Источники и литература

1. Bartoszewicz A. Суффиксальное словообразование существительных в русском языке новейшей эпохи (на материале новообразований после 1940 г.) // Un. im. A. Mickiewicza w Poznaniu. Prace Wydziału filologicznego Seria Filologia Rosyjska. N.1 – Poznań, 1970. S.65.
2. Булатова Л. Н. Отглагольные существительные на *-нье, -тье* в русских говорах. – М., 1953.
3. Маркарьян Н. Е., Николаев Г. А. Сопоставительное словообразование и формообразование русского и польского языков. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1990. – 140 с.
4. Попова Т. Н. Субстантивы на *-ние, -ение* в диалектном словообразовании // III Международные Бодуэновские чтения. Труды и материалы. Т. 2. – Казань, 2006. – С. 80-82.
5. Словарь русских народных говоров. Вып. 1-37. – М.-Л.: Наука, 1965-2003.
6. Словарь русских говоров Низовой Печоры. Т.1. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.
7. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под. ред. И. А. Оссовецкого. – М.: «Наука», 1969.

Potapova I. N.

LIMERICK ITALIANO COME UNA SPECIE DELL'EPIGRAMMA

Lo scopo dell'articolo è un'analisi del limerick come una specie dell'epigramma sul materiale della lingua italiana, cioè sui testi di alcuni epigrammisti minori del Novecento italiano, che si può anche definire eccentrici, quasi tutti non presenti nelle antologie e nei repertori degli studi accademici.

Storicamente, gli epigrammisti si sono sempre misurati con i grandi classici greci e romani e l'epigramma nasce sempre come esercizio di ammirazione e imitazione. Dell'epigramma si occupavano tali critici famosi come: l'amante dei classici Angelo Maria d'Elci, che costituì una notevole biblioteca di prime edizioni greche e latine [9]; Melchiorre da Giunta, che studiò la storia dell'epigramma e la sua storia moderna [7]; Ugo Foscolo, appassionato cultore della classicità, che si esercitò anche in alcune traduzioni di epigrammi [15]; Salvatore Quasimodo, che dedicò all'epigramma buona parte della sua intensa attività di traduttore [22]; V.Comaschi, che ricostruì la storia del genere dell'epigramma [5]; G.Leopardi, che riconosceva nello “stile epigrammatico vibrato e racchiuso in un breve giro di parole” la sua peculiarità [19] ecc.

G. Davico Bonino definisce l'epigramma come “un elegante epigrafe, prezioso ricordo di un attimo, icona della fuggevolezza del momento ... che strappa con violenza la maschera” [3, VII]. Secondo la definizione di Saverio Bettinelli l'epigramma abbraccia tutto: lodi e biasimo, virtù e vizio, bellezza e viltà, popolo ed eroi, cuore e ingegno, sublime e semplice [2, 223]. La seconda definizione nel contesto del tema attuale sarebbe più opportuna, perché esprime un'organica visione del mondo.

L'attualità dell'articolo consiste nel fatto che il problema dell'epigramma italiano in generale e del limerick italiano particolarmente non veniva studiato mai dai critici e studiosi di letteratura ucraini. Nell'articolo ci occuperemo dei parenti stretti dell'epigramma “*il limerick*”, “*l'incarrighiana*” e la poesia simile inglese “*la clerihew*”.

Il limerick è una poesia breve nonsensica in cinque versi, con uno schema ben preciso (il primo, il secondo e il quinto verso rimano fra loro, mentre il terzo verso rima con il quarto), di ritmo giambico-anapestico, contenente in genere nel primo verso il riferimento a un luogo geografico [4, 852]. I limerick (per alcuni la parola deriva da ‘Limerick’, città irlandese, famosa per l'assedio del 1690-91 di cui parla Laurence Sterne nel “The life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman” [27, 105]) furono resi famosi da Edward Lear, pittore, insegnante di disegno della regina Vittoria. In realtà, come dice Carmine De Luca [10, 54], Lear non scrisse veri limerick, ma dei nonsensi, che hanno la forma del limerick ma argomenti e toni ben diversi [18, 145]: